

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-248-254

© И. Э. Васильева, © А. Д. Степанов

В ЗЕРКАЛЕ «ЧЕХОВСКОГО ВЕСТНИКА»: ЧЕХОВЕДЕНИЕ ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ*

Выход 40-го номера журнала «Чеховский вестник» — хороший повод оглянуться назад и подвести некоторые итоги тому, что происходило в изучении творчества Чехова в постсоветское время.

Прежде всего нужно сказать несколько слов о самом журнале. Это издание Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН, и наибольший вклад в создание и поддержание журнала на плаву в очень непростые годы внес председатель этой комиссии и бессменный главный редактор «Вестника» В. Б. Катаев, а также члены редколлегии Р. Б. Ахметшин, И. Е. Гитович, В. В. Гульченко, П. Н. Долженков, А. П. Чудаков, Т. К. Шах-Азизова. Долгое время журнал выходил при поддержке филологического факультета МГУ, в последние годы его курирует Государственный литературный музей в лице заместителя директора по научной работе Э. Д. Орлова.

«Персональных» журналов о великих писателях в мире довольно много: одних только периодических изданий, посвященных исключительно Шекспиру, насчитывается не менее шести. В отличие от большинства из них «Чеховский вестник», первый номер которого вышел в 1997 году, задумывался не как научное издание, а как информационно-библиографический бюллетень, где давался бы обзор новостей в четырех областях: книги и статьи о Чехове, постановки его пьес, обзоры конференций и события в жизни чеховских музеев. Впоследствии к ним прибавились еще два постоянных раздела: новые статьи для будущей чеховской энциклопедии и текущая библиография. В данном обзоре из-за ограниченности объема мы будем говорить только о литературоведческой части журнала, не затрагивая то, что относится к театроведению и музееведению.

Сплошное чтение рецензий «Вестника» позволяет воскресить в памяти главные достижения чеховедения за 30 лет, список которых оказывается весьма внушительным. Это серия научных сборников под названием «Чеховиана» (12 выпусков, 1990–2011); издание «А. П. Чехов. Энциклопедия» (2011); новая трехтомная «Переписка А. П. Чехова» (1996); три тома серии «Литературное наследство», посвященные рецензии творчества Чехова в мире (Т. 100. Кн. 1–3; 1997–2005); четыре тома (пять книг) «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» (2000–2016, летопись доведена до сентября 1898 года); старейшая из про-

должающихся серий сборников материалов конференций «Чеховские чтения в Ялте» (издается с 1955 года, всего 23 выпуска); серия «Чеховские чтения в Твери» (8 выпусков; 1999–2013); альманах «Мелихово» (11 выпусков, 1998–2019); ряд тематических изданий, подготовленных сотрудниками отдела по изучению и популяризации творческого наследия Чехова ГЦТМ им. А. А. Бахрушина (8 выпусков Скафтымовских чтений и 9 изданий «Бахрушинской серии», 2014–2021); постоянно пополняемая библиография работ о Чехове на русском и иностранном языках с 1961 года до наших дней (эту работу ведут П. Н. Долженков и В. Б. Катаев, библиография составляет особый раздел «Вестника», часть материалов вышла отдельным изданием в 2010 году); три тома антологии «Чехов: pro et contra», подготовленные И. Н. Сухих (2002–2016); фундаментальный свод биографических материалов «Таганрог и Чеховы» (2003); ряд новых чеховских биографий (работы А. П. Кузичевой, Д. Рейфилда и др.); восемь выпусков сборников «Молодые исследователи Чехова» (1993–2017), а также многочисленные издания, посвященные самым разным аспектам чеховедения: поэтике, рецепции, литературным связям, истории постановок пьес, театральной критике и др.

Наиболее активно развивавшейся областью чеховедения в постсоветское время, как и в предшествующий период, оставалось изучение поэтики: недостаток в новых интерпретациях как отдельных текстов, так и творчества писателя в целом никогда не было. Разнообразные по методам и результатам исследования складываются в определенный зависимый от времени «сюжет».

Трудности, с которыми столкнулось чеховедение в начале 1990-х, были отчасти общими для всей отечественной науки о литературе. Проблема заключалась не только в том, что невозможно было оставаться в рамках привычной марксистской социологической поэтики, когда «единственно верное» учение на глазах у всех доказывало свою историческую несостоятельность. Важнее было общее неверие в «большие нарративы», которое на долгие годы овладело гуманитариями. В этих условиях в истории литературы наметилась тенденция к созданию частных, «персонально ориентированных» историй, каждая из которых была телеологически устремлена к определенной вершине — поэтике Пушкина, Толстого, Достоевского или Чехова. При этом чеховедение находилось в несколько более привилегированном положении по сравнению с соседними персональными областями, поскольку в его

* Обзор подготовлен в рамках проекта № 22-28-00978, реализуемого при поддержке РФН в СПбГУ.

рамках еще в 1970-е годы возникли по крайней мере две сильные концепции, в основе которых лежало убеждение в том, что Чехов не просто завершал реализм, редуцируя его главные темы и приемы, но был несомненным новатором и начинал XX век. А. П. Чудаков видел это новаторство в необыкновенной открытости писателя миру: с точки зрения исследователя, для Чехова не было недостойных изображения явлений жизни; то, что у его предшественников разделялось на «важное» и «неважное», «существенное» и «неотобранное», у Чехова оказывалось соположено и уравнено, он стремился показать жизнь во всей ее неповторимости, случайности и неотобранности. В отличие от своего друга и коллеги Катаев полагал, что предмет интереса Чехова — не столько разнообразие мира, сколько разнообразие способов его познания: писатель-врач придерживался «диагностической» установки на индивидуализацию каждого отдельного случая, воздерживаясь от анализа общественных «болезней» в целом и описывая только «отдельных больных». Очень разные в деталях концепции Чудакова и Катаева сходились в том, что новым словом Чехова в искусстве была предельная конкретизация и индивидуализация субъекта и объекта познания, что позволяло писателю переходить от единичного непосредственно ко всеобщему. Исследователи 1990–2010-х годов постоянно (и часто критически) возвращались к этим концепциям, однако у каждой эпохи оказывался свой Чехов.

Десятилетие годы войдут в историю как время постмодернизма не только в искусстве, но и в гуманитарных науках. Чеховедение в этом смысле не только не было исключением, но и заметно выделялось на фоне других отраслей литературоведения широтой истолкования своего объекта. Именно в это время вышли такие написанные в духе мифопоэтики и психоанализа труды, как книга С. Я. Сендеровича об одержимости Чехова образом св. Георгия,¹ монография Дж. де Шербинин о «марианской» парадигме у Чехова,² книга В. Зубаревой о мифопоэтике четырех главных пьес Чехова,³ ин-

тертекстуальное исследование прозы писателя, выполненное М. Фрайзе.⁴ Такие книги, предельно расширявшие границы допустимых интерпретаций, часто весьма критически рецензировались на страницах журнала. Кроме того, эпоха явно тяготела к методу психобиографии, и личность автора оказывалась предметом внимания как профессиональных психиатров,⁵ так и психоаналитиков-любителей.⁶ В восприятии таких исследователей Чехов — это несчастный одержимый, которому на каждом шагу мерещатся то зеленые драконы с икон св. Георгия, то Дева Мария, то олимпийские боги, то Вечный Жид; он — раздражительный завистник, постоянно сводящий в рассказах счеты со знакомыми литераторами, страдающий то «психастенической психопатией», то нарциссизмом, то мазохизмом, то «любовью-ненавистью к матери-России» и т. п. По прочтении всех рецензий на постмодернистскую чеховиану поневоле задумываешься о том, каким неизлечимым и опасным для общества психопатом предстал бы Антон Павлович, если бы все писавшие о нем любители психоанализа и архетипической критики оказались бы *правы одновременно*. К счастью, эти методы не знают ни верификации, ни единомыслия: их адепты обычно не солидаризируются друг с другом, согласия достигают только те, кто критикует подобные сочинения с позиций здравого смысла. Кто бы ни был прав в спорах «архетипистов» и «реалистов», по прошествии десятилетий безусловным представляется только то, что подобные сочинения лишней раз подтверждают старую мысль: Чехов — зеркало, в которой каждая эпоха видит себя.

К той же постмодернистской культурной парадигме относится, по сути, и получившая широчайшую известность биография Чехова, написанная Дональдом Рейфилдом.⁷ Этот

⁴ Фрайзе М. Проза Чехова. СПб., 2012 (немецкий оригинал 1997 года); см. также: Смола К. О. [Рец. на:] Фрайзе М. Проза Чехова. СПб., 2012 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 31–34.

⁵ См.: Тихомиров С. В. Целебное творчество А. П. Чехова: размышляют медики и филологи // Чеховский вестник. 1999. Вып. 4. С. 22–28.

⁶ См.: Гитович И. Е. Не зачем, а потому что (субъективные заметки на полях). [Рец. на:] Фуско А., Томассони Р. Творчество А. П. Чехова в зеркале психологического анализа. Серия очерков. М.: Русский мир, 2001 // Чеховский вестник. 2002. Вып. 11. С. 19–25; Бакунцев А. Казуистика античеховизма. [Рец. на:] Золотоносов М. Н. Другой Чехов. По ту сторону принципа женофобии. М., 2007 // Чеховский вестник. 2008. Вып. 23. С. 30–38.

⁷ Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London, 1997; см. также: Катаев В. Б. [Рец. на:] Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London, 1997 // Чеховский вестник. Вып. 2. С. 6–12; Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2005; см. также: Гитович И. Е. Made in, или снова

¹ Сендерович С. Я. Чехов с глазу на глаз: история одной одержимости А. П. Чехова. СПб., 1994; см. также: Собенников А. С. [Рец. на:] Сендерович С. Я. Чехов с глазу на глаз: история одной одержимости А. П. Чехова. СПб., 1994 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 1. С. 1–12.

² Sherbinin J. W. de. Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997; см. также: Каньшин Н. В. [Рец. на:] de Sherbinin J. W. Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3. С. 50–54.

³ Zubarev V. A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997; см. также: Ахметшин Р. Б. [Рец. на:] Zubarev V. A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 2. С. 28–31.

основанный на многочисленных архивных материалах биографический «роман» нравится практически всем его читателям, за исключением некоторых чеховедов. Последних не устраивают три обстоятельства. Во-первых, по прочтении книги остается загадкой, как представленный в ней бонвиван сумел сочинить столь грустные, берущие за душу рассказы и пьесы: связи между жизненными событиями и художественными произведениями часто совершенно неясны, Чехов-писатель и Чехов-человек здесь нередко даже не знакомы. Во-вторых, в научной биографии не принято выдавать гипотезы за факты — особенно, когда речь идет об отношениях героя с женщинами. В-третьих, сведущим людям не нравится метод «выковыривания изюма из булки»: Рейфилд не забыл процитировать, кажется, ни одной непристойности, когда-либо написанной Чеховым и людьми из его ближайшего окружения, оставив при этом за рамками своей книги очень много прямо противоположного по духу этим игривым страницам (относящимся, кстати, исключительно к молодым годам писателя) — прежде всего тот скрытый труд самовоспитания, которым Чехов занимался всю жизнь. При таком методе исследования — а оно велось, разумеется, под лозунгом возвращения от «советского жития» к «правде жизни» — на место одного мифа неизбежно становится другой: чайивший лучшей жизни для народа бесплотный врач-общественник превращается в равнодушного к несчастьям окружающих Дон Жуана, который в последние годы и сам попал в лапы безжалостной хищницы. В сущности, от нарисованного Рейфилдом портрета недалеко и тот «Чехов», которого представлял публике в девяностые годы в романе «Ранние сумерки» писатель В. П. Рынкевич, и даже та невольная карикатура, которую создал тогда же в своих любительских пьесах директор мелиховского музея Ю. А. Бычков. А к этим сочинениям, в свою очередь, примыкают разнообразные продолжения и перепевы чеховских текстов, когда чеховские герои по мановению волшебной палочки переносятся во времени и пространстве то в Париж 1900-х годов (роман Марины Влади «Мой вишневый сад»), то в британскую Вест-Индию в 1941 году (африкано-карибский драматург Мустафа Матура), то в Ливерпуль после Второй мировой войны (британские драматурги Дайян Сэмюэльс и Трейси-Энн Оберман) и т. п.

Разумеется, далеко не все работы 1990-х годов можно отнести к «постмодернистской парадигме». На наш взгляд, никак не принадлежат к ней вышедшие в это время в свет основательные труды Н. А. Кожевниковой,⁸

о биографии. Заметки читателя // Чеховский вестник. 2005. Вып. 17. С. 21–36; к сожалению, Рейфилд при переизданиях своей книги не учел ни одной из указанных рецензентами фактических ошибок.

⁸ Кожевникова Н. А. Язык и композиция произведений А. П. Чехова. Н. Новгород, 1999.

А. С. Собенникова,⁹ Р. Е. Лапушина,¹⁰ П. Н. Долженкова,¹¹ Н. Е. Разумовой,¹² А. В. Кубасова,¹³ напечатанный в 1997 году большой том материалов конгресса в Баденвейлере, посвященного проблеме философии и религии в жизни и творчестве писателя,¹⁴ и многие другие издания.

Тем более далеки от «игры с классиком» оказываются монографии и сборники двухтысячных годов, во многих из которых суммировалась работа, проводившаяся их авторами в течение многих лет. Это можно сказать и о выполненной в духе историко-функционального и интертекстуального анализа книге Э. А. Полоцкой о «Вишневом саде»,¹⁵ и о сборнике статей А. Г. Головачевой «Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога» — редком примере разумного, без преувеличений и вчитываний, поиска источников чеховских текстов и типологических параллелей к ним,¹⁶ и о расширенной примерно в три раза по сравнению с первым изданием 1987 года книге И. Н. Сухих «Проблемы поэтики Чехова».¹⁷

⁹ Собенников А. С. «Между „есть Бог“ и „нет Бога“...» (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск, 1997.

¹⁰ Лапушин Р. Е. «Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998; см. также: Чудаков А. П. [Рец. на:] Лапушин Р. Е. «Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 29–31.

¹¹ Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. М., 1998; см. также: Финк М. [Рец. на:] Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. М., 1998 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 35–37.

¹² Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001; см. также: Собенников А. С. [Рец. на:] Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001 // Чеховский вестник. Вып. 2. С. 21–22.

¹³ Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.

¹⁴ Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums. Badenweiler, 20–24 Oktober 1994 / Hrsg. von V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Noheil. München, 1997; см. также: Криницын А. Б. [Рец. на:] Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. München, 1997 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 23–26.

¹⁵ Полоцкая Э. А. «Вишневый сад». Жизнь во времени. М., 2003; см. также: Гульченко В. В. «Вишневый сад» как явление русской жизни // Чеховский вестник. 2003. Вып. 13. С. 10–13.

¹⁶ Головачева А. Г. Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога. Симферополь, 2005.

¹⁷ Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. 2-е изд., доп. СПб., 2007.

В 2000-е годы множатся и работы, сопоставляющие Чехова с литературой XX века, в том числе и с постмодернизмом, однако уже не «изнутри» последнего, как десятилетием ранее, а в рамках вполне корректных академических сопоставлений.¹⁸ Упомянутые выше три тома «Литературного наследства», посвященные международным связям Чехова, несмотря на масштабность представленных в них исследований, не могли решить всех компаративистских задач, и в 2000-е годы выходит ряд сборников, затрагивающих самые разные аспекты как «западных», так и «восточных» литературных связей писателя.¹⁹

В 2010-е годы чеховеды в гораздо меньшей степени, чем в предшествующие десятилетия, стремились к сенсационности и нестандартности прочтений. Как и раньше, численное преимущество в эти годы оставалось за поэтикой и работами историко-литературного плана. Однако по рецензиям «Вестника» стала заметна явная дифференциация строго научного, академического литературоведения и вольных прочтений, которые еще недавно воспринимались многими как равноправные с научными. К первой группе принадлежат серьезные и вместе с тем взвешенные, аргументированные, построенные на широкой доказательной базе монографии, посвященные различным аспектам чеховской поэтики и/или месту Чехова как писателя и человека в историко-литературном и общекультурном контексте. Среди них стоит особо отметить фундаментальный труд Л. Е. Бушканец «„Он между нами жил...“. А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века»,²⁰ где на большом материале даются ответы на основные вопросы о рецепции личности и творчества писателя критикой и читающей публикой конца XIX — начала XX века.²¹ К числу исследований, сумевших сказать «новое слово» о Чехове в области поэтики, мы отнесли бы глубоко продуманную философскую работу Н. Е. Разумовой «Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства», вышедшую в это время вторым, значительно расширенным изданием,²² а так-

же, безусловно, капитальный труд А. П. Кузичевой «Чехов. Жизнь „отдельного человека“» — на сегодняшний день самую обширную и основательную и по объему, и по количеству привлеченного материала чеховскую биографию.²³ Безусловно, по духу и исполнению ближе к верифицируемой «науке», чем к самодостаточному «искусству», находятся и всегда интересные, однако в чем-то амбивалентные работы П. Н. Долженкова, в которых дух позитивизма местами сочетается с явными преувеличениями.²⁴

Другую группу составляет продукция совсем иного рода. Снабженные многообещающими названиями и аннотациями, эти работы пестрят неточностями, фактическими ошибками, натянутыми и бездоказательными сближениями и субъективными авторскими ассоциациями. На наш взгляд, особая заслуга «Чеховского вестника» как раз и состоит в том, что он, публикуя обстоятельные рецензии на эти «новации», не только показывает их несостоятельность, но и устанавливает «планку» — необходимый уровень обоснованности исследования, без которого говорить о перспективах и чеховедения, и филологии как научного, а не популистского знания не приходится.²⁵ Листая страницы «Чеховского вестника», убеждаешься, что одно из главных «зол», которое явно обнаружилось себя в последнее десятилетие, — это коммерциализация. Пожалуй, еще более, чем поэтика, от ускоренного производства «изданий» и «трудов» в ущерб качеству страдает область биографических исследований и продолжающиеся с 1990-х годов всегда неудачные попытки «художественно домыслить» чеховскую жизнь. Стремление оспорить Чехова или самоутвердиться за его счет время от времени по-прежнему, как и в 1990-е годы, приводит к конструированию новых версий чеховской жизни (роман А. Андерсен «Летний гость»²⁶),

²³ Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». СПб., 2011. См. также: Бушканец Л. Е. Запоздавшая рецензия // Чеховский вестник. 2011. Вып. 27. С. 9–20.

²⁴ Долженков П. Н. 1) «Как приятно играть на мандолине!» О комедии Чехова «Вишневый сад». М., 2008; 2) Эволюция драматургии Чехова. М., 2014. См. также: Тихомиров С. В. 1) [Рец. на:] Долженков П. Н. Эволюция драматургии Чехова. М., 2014 // Чеховский вестник. 2014. Вып. 24. С. 39–49; 2) Новая книга о драматургии Чехова // Чеховский вестник. 2015. Вып. 31. С. 16–25.

²⁵ См., например: Ахметшин Р. Б. Книга о Чехове и Достоевском // Чеховский вестник. 2018. Вып. 35. С. 39–45; Мельников Н. Г. Чехов & Набоков // Чеховский вестник. 2019. Вып. 37. С. 44–52; Орлов Э. Д. «Опыт непредвзятого чтения», или О губительной любви... к Чехову // Чеховский вестник. 2019. Вып. 38. С. 31–35.

²⁶ Anderson A. The Summer Guest. New York, 2017. См. рец.: Спачиль О. В. Биография как сюжет (о романе Алисон Андерсон

¹⁸ См.: Петухова Е. Н. Приятие Чехова. Чехов и русская литература конца XX века. СПб., 2005.

¹⁹ См.: Ибсен. Стриндберг. Чехов: Сб. статей / Отв. ред. М. М. Одесская. М., 2007; А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы междунар. научно-практич. конф. 21–30 сентября 2005 года, г. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 2006.

²⁰ Бушканец Л. Е. «Он между нами жил...». А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань, 2012.

²¹ Подробнее см.: Степанов А. Д. Как создавался «Чехов» // Чеховский вестник. 2013. Вып. 29. С. 6–12.

²² Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 2013.

то к модернизации его текстов через совмещение их с контекстом сегодняшней массовой культуры (сборник рассказов Б. Гринмана «Звездный Чехов»²⁷). Несомненной антитезой этому подходу оказался вышедший к 150-летию юбилею писателя компендиум цитат, скомпилированных И. Н. Сухих по образцу вересаевского «Пушкина в жизни». Чтение этих «сюжетов для небольшого романа» познавательнее, чем знакомство с любыми альтернативными романизированными биографиями.

Интерес к Чехову в современной массовой культуре по-прежнему велик, и он продолжает непрерывно порождать все новые спекуляции. Чуть ли не единственным действенным вариантом противостояния этой тенденции оказывается сдержанная, но вместе с тем развернутая, насыщенная конкретными примерами, представляющая доказательный анализ работа рецензентов. Остается только пожалеть о скромном тираже «Чеховского вестника», в силу чего необходимая и важная работа по отделению «зерен от плевел» становится известна лишь ограниченному кругу заинтересованных чеховедов: только в силу малодоступности «Вестника» талантливые и очень точные заметки молодого чеховеда Виктора Зайцева не могут соревноваться с махровой любительщицей знаменитого Дмитрия Быкова.²⁹

Общий для гуманитарных наук «антропологический поворот» 2010-х годов не обошел стороной и чеховедение, однако в этой области пока трудно назвать примеры успешного и продуктивного применения новой методологической оптики, более частотными оказываются неудачи. Так, работа К. В. Борисовой «Театр героев А. П. Чехова»,³⁰ претендующая на новый взгляд в духе «антропологической поэтики», на деле превращается в расфокусированный разговор о разных особенностях чеховского текста. Автору, как считает рецензент «Чеховского вестника», стоит «изначально как можно более ясно очертить предмет своего исследования».³¹ А вот настоящим достижением чеховедческой антропологии можно считать

«Летний гость») // Чеховский вестник. Вып. 38. С. 20–30.

²⁷ *Greenman B. Celebrity Chekhov. New York, 2010. См. рец.: Лапушин Р. Е. Celebrity Chekhov // Чеховский вестник. 2011. Вып. 26. С. 116–119.*

²⁸ *Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М., 2010. См. также: Волчкевич М. [Рец. на:] Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М., 2010 // Чеховский вестник. Вып. 27. С. 20–22.*

²⁹ См., например: *Зайцев В. Воображаемый Дмитрий Быкова. [Рец. на:] Быков Д. Л. Время потрясений. 1900–1950 гг. М., 2018 // Чеховский вестник. 2018. Вып. 36. С. 43–54.*

³⁰ *Борисова К. В. Театр героев А. П. Чехова. М., 2019.*

³¹ *Зайцев В. Ненадежен метод — противоречивы результаты // Чеховский вестник. 2016. Вып. 32. С. 57.*

ряд основательно подготовленных, прекрасно изданных, построенных на скрупулезном историко-литературном и исследовательском подходе книг, открывающих для профессионального и непрофессионального читателя историю чеховских мест. Это прежде всего работы А. Г. Головачевой «А. П. Чехов и Крым» и «Чеховский Кучук-Кой»,³² коллективный труд сотрудников ялтинского Дома-музея А. П. Чехова «Необыкновенный сад А. П. Чехова»,³³ а также уникальный альбом «Антон Чехов. „Сахалинская“ коллекция».³⁴ В этих изданиях образ Чехова-человека раскрывается через документы, без посредничества преломляющей и невольной — в ту или иную сторону — искажающей оптики биографа-исследователя. Такой принцип подачи информации как бы «от первого лица» выгодно отличает отечественную научную традицию от подхода «вольных» биографов и интерпретаторов.

Все сильнее укреплялся в последние десятилетия статус Чехова как классика мировой литературы. Ведущая роль в этом по-прежнему принадлежит его драматургии, давно и прочно завоевавшей мировую сцену. Однако отличительной чертой последних лет стало широкое присутствие Чехова не только в культурной сфере, но и в фундаментальной науке. В разных странах появился целый ряд очень серьезных работ, ориентированных на различные методологические концепции и предлагающих глубокое прочтение чеховской прозы. Это книги Р. Е. Лапушина, Х. Питчера, Н. Няголовой, А. Голомба, Д. Клейтона и Я. Мирзон, Т. Клапури и многих других.³⁵ Разнообразие подходов само по себе примечательно и отражает свойственный современному этапу калейдоскопический принцип осмысления изучаемого объекта. Суть его в том, что ни одна из применяемых оптик не может считаться

³² *Головачева А. Г. 1) А. П. Чехов и Крым. М., 2014; 2) Чеховский Кучук-Кой. История одного имени. М., 2019.*

³³ *Необыкновенный сад А. П. Чехова. Альбом-каталог: В 2 т. / Под ред. Ю. Г. Долгополовой, О. О. Пернацкой, Л. А. Титоренко. Белгород; Ялта, 2018.*

³⁴ *Антон Чехов. «Сахалинская» коллекция / Автор-сост. Э. Д. Орлов, Т. Н. Шипова. М., 2018.*

³⁵ *Lapushin R. «Dew on the Grass»: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. New York, 2010; см. рец. на эту работу: Степанов А. Д. Поэтическая система координат // Чеховский вестник. Вып. 26. С. 87–90; Pitcher H. Responding to Chekhov: The Journey of a Lifetime. Cromer, 2010; Няголова Н. Между бита и биты: герой и вещь в драматургията на А. П. Чехов. Велико Търново, 2009; Golomb H. A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence Through Absence. Brighton; Chicago, 2014; Adapting Chekhov: The Text and its Mutations / Ed. by J. D. Clayton and Y. Meerzon. New York; London, 2013; Klapuri T. Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku, 2015.*

приоритетной и вместе с тем только при наличии разных проекций видения-осмысления можно добиться в итоге минимального эффекта искажения. Смысл — вне поисков которого не может существовать филологическая наука — находится где-то между предлагаемых прочтений, причем смысл этот как двустороннее зеркало — позволяет увидеть и текст, и смотрящую на него историческую эпоху. И тогда число «точек» взгляда увеличивает вариативную глубину рассматриваемой картины. Удачным примером реализации такого калейдоскопического принципа можно считать изданный в США том «Письма Чехова: биография, контекст, поэтика».³⁶

Еще одна примечательная особенность современного этапа разветвления темы «Чехов — классик мировой культуры» выражена в расширении «чеховедческой карты». Помимо уже привычных «маршрутов» («Чехов на европейской/американской сцене», «европейская/американская литература и Чехов») в круг влияния Чехова включаются все новые географические ареалы: арабский мир,³⁷ Бразилия,³⁸ а давно освоенное европейское культурное пространство дополняется новыми чертами.³⁹ Важное значение в этом общем процессе имеют и результирующие работы, демонстрирующие глубину понимания чеховского наследия другой культурой. Примером такого труда могут служить два вышедших в Венгрии сборника «Антон Павлович Чехов. Подходы — Переводы» и «Адаптации — Чехов».⁴⁰ Такой всесторонний интерес зарубежных исследователей к Чехову — явление именно последних десятилетий.

Наконец, нельзя не упомянуть о важном событии последнего десятилетия — создании (усилиями ныне покойного В. В. Гульченко) отдела по изучению и популяризации творческого наследия Чехова в Театральном музее

им. А. А. Бахрушина и последовавшей за этим организации чтений, посвященных развитию идей одного из лучших чеховедов советского времени — А. П. Скафтымова, а также об издании огромных по объему и чрезвычайно интересных по содержанию сопоставительных сборников (Чехов в соотнесении с Достоевским, Островским, Тургеневым, Шекспиром и др.).

Из работ самого последнего времени хотелось бы особо отметить два новых труда ведущего сотрудника упомянутого выше отдела бахрушинского музея — А. Г. Головачевой. В первом из них,⁴¹ посвященном прочтению чеховских пьес в контексте драматических сочинений его совершенно забытых современников, исследовательница отвечает на вопрос, который на поверку оказывается весьма непростым: а чем отличается творчество вошедшего в мировой канон автора от неизвестных даже специалистам пьес И. Шпажинского, И. Гурлянда, В. Александрова, А. Тихонова (Лугового), Е. Гославского и многих других? Сложность вопроса определяется тем, что, как показывает Головачева, огромное большинство «чеховских ружей» — приемы, считавшихся специфическими для Чехова — стреляло уже в драмах и комедиях его безвестных коллег. Вторая книга Головачевой является результатом сорокалетнего изучения «Чайки» и представляет собой фундаментальный труд, исследующий великую пьесу со множества точек зрения и во всех возможных контекстах.⁴²

За рамками нашего обзора в силу ограниченности объема с неизбежностью должны были остаться самые крупные достижения чеховедения — те, которые были кратко перечислены в самом начале статьи. Однако приходится констатировать, что далеко не все масштабные проекты, осуществленные Чеховской комиссией за последние тридцать лет, достигли желаемой цели. «Чеховиана» не выпускается с 2011 года, планы ее возрождения пока не могут реализоваться из-за отсутствия средств. Давно замер и огромный проект всеобъемлющей «Чеховской энциклопедии» — из подготовленных материалов был собран только сравнительно небольшой том, представляющий собой энциклопедию для школьников. Несмотря на многочисленные, многолюдные и, казалось бы, весьма успешные «молодежные» конференции, число молодых исследователей, готовых и дальше активно заниматься творчеством Чехова, весьма невелико. Изучение чеховских архивов, где хранится множество неопубликованных материалов, также не продвигается вперед: в 2007 году И. Е. Гитович сетовала, что к ним «за последние 10–15 лет обращались считанные единицы исследователей и почти

³⁶ Chekhov's Letters / Ed. by C. Appolonio and R. Lapushin. Lanham, 2018. См. рец. на это издание: *Евдокимов А.* Американская книга о письмах Чехова // Чеховский вестник. Вып. 26. С. 7–16.

³⁷ *Али-Заде Э. А.* Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). М., 2014. Кн. 1. См. также: *Капустин Д.* Чехов и арабский мир // Чеховский вестник. Вып. 31. С. 26–34.

³⁸ *Nascimento R. A. do. Tchêkhov e os palcos brasileiros.* São Paulo, 2018. См. рец.: *Гуревич Д.* Чехов в Бразилии // Чеховский вестник. Вып. 37. С. 16–24.

³⁹ См.: *Бюклинг Л.* Антон Чехов в Финляндии // Бюклинг Л. Отражение русской души в зеркале Севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX веков. СПб., 2015; *Уральский М.* Чехов и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников. СПб., 2020.

⁴⁰ *Közelítések — Közvetítések / Ed. by I. Regécz. Debrecen, 2011; Csehov — Újraírások / Ed. by I. Regécz. Debrecen, 2016.*

⁴¹ *Головачева А. Г.* Антон Чехов, театр и «симпатичные драматурги»: Монография. М., 2020.

⁴² *Головачева А. Г.* «Чайка» А. П. Чехова. Поэтика. Проблематика. Литературно-театральный контекст. М., 2022.

ни один молодой...»;⁴³ с тех пор ситуация мало изменилась.

Еще одна досадная лакуна, которая обнаруживается по прочтении всех номеров «Вестника» — это почти полное отсутствие исследовательского интереса к «ближайшему контексту» — русским писателям и драматургам 1870–1890-х годов, современникам и коллегам Чехова, которых он называл «артелью восьмидесятников». Мировая слава писателя заставляет постоянно сопоставлять его то с Шекспиром, то с Ибсеном, то с Достоевским (этим темам в последние годы был посвящен ряд конференций, за которыми последовало издание сборников). Однако начитанность Чехова в мировой классике зачастую вызывает большие сомнения: нет, например, никаких документальных свидетельств того, что он читал «Госпожу Бовари». А вот то, что он читал Лейкина, Вилибина, Леонтьева-Щеглова, Баранцевича, Тихонова (Лугового), Смирнову-Сазонову; смотрел в театре Неvejина и Шпажинского — легко подтвердить и письмами Чехова, и цитатами из его произведений. Между тем во всей гигантской чеховиане, получившей отражение в рецензиях «Вестника», едва ли найдется два десятка статей, в которых творчество Чехова сопоставлялось бы с произведениями его забытых современников (в этом отношении выгодно отличаются упомянутые выше труды А. Г. Головачевой). Как нам кажется, будущее чеховедения — не в тысяча первой интерпретации «Чайки» с позиций «вчитывающих» интертекстуальных подходов, демонстрирующих эрудицию и остроумие исследователя, а в архивной работе и экспликации ближайшего контекста. По-новому должна быть представлена и социопэтика Чехова: по-

явившиеся в исторической науке новые фундаментальные труды о последней трети XIX века пока явно не находят отклика в чеховедении. Несомненно нужен новый реальный комментарий к сочинениям Чехова — возможно, пришло время подумать и о мультимедийном комментарии. Благодаря труду Л. Е. Бушканец мы имеем довольно четкое представление о том, как сформировалась репутация Чехова в России, как он стал русским классиком. Очередная задача чеховедения — ответ на вопрос: «Как Чехов стал классиком мировой литературы?»

Помимо этих глобальных целей, сохраняются и ряд частных задач: среди них — проблемы атрибуции некоторых текстов «малой прессы» начала 1880-х, возможно принадлежавших Чехову;⁴⁴ дискуссионным остается даже вопрос о дебютном произведении Чехова-юмориста. Купюры в корпусе писем устранны, но по-прежнему нет полного издания эпистолярного наследия. Наконец, редколлегия «Чеховского вестника», по всей видимости, необходимо предпринять некоторые практические действия для укрепления статуса и популяризации журнала: в первую очередь получить номер ISSN, для того чтобы издание стало журналом юридически, а также обеспечить его полноценное присутствие в РИНЦ, в том числе в полнотекстовом формате.

Но в целом чтение «Чеховского вестника» убеждает в том, что чеховедение — живая и развивающаяся область литературоведения, которая не исчерпала своего потенциала и будет продолжать существовать невзирая на сменны научной моды благодаря сложности и глубине самого предмета исследования — жизни и творчества Чехова.

⁴³ Гитович И. Е. Биография Чехова — вчера и завтра // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания / Отв. ред. А. П. Чудаков. М., 2007. С. 46.

⁴⁴ См. рец. Э. Д. Орлова на работы Д. М. Евсеева: Орлов Э. Д. Проблемы атрибуции // Чеховский вестник. 2007. Вып. 21. С. 24–31.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-254-256

© О. Р. Демидова

ДЕВА-ВОИТЕЛЬНИЦА: ВАРИАНТЫ ОБРАЗА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА*

Монография В. Б. Зусевой-Озкан представляет собой первый опыт системного описания и анализа одного из «вечных» образов мировой культуры — архетипического образа девы-воительницы и связанного с ним сюжетно-

* Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с., ил. (сер. «„Вечные“ сюжеты и образы»; вып. 5).

мотивного комплекса в литературе русского модернизма. При этом последняя понимается расширительно, «как литература Серебряного века в целом, т. е. приблизительно с 1890-х до начала 1930-х годов, включая сюда и литературу русской эмиграции первой волны» (с. 14). Программа-максимум, как определяет ее автор, состоит в «описании Серебряного века как единого континуума <...> в аспекте репрезентации в ней девы-воительницы» (с. 15), что по-